

Глава 33 – Если я уйду, кто будет императором?

Великого наставника Се тем вечером уже начинали раздражать чирикающие воробьиные стаи. Когда он снова сосредоточился на насущном вопросе, то, вздрогнув, увидел, что Сун Цзинь поднялась с земли. Как, как это может быть?

Нин Сяояо, перво-наперво нужно заметить, устала, как собака. После лечения Сун Цзинь от яда она действительно, подобно собаке, замертво от усталости хлопнулась наземь. Она достала из кармана несколько лимских бобов и закинула их в рот. Силу ей нужно было восстановить быстро, поскольку многие люди ожидали исцеления от яда. Великий наставник Се отошёл назад на пару-тройку шагов, ещё потрясённый. Первой его мыслью было, что загвоздка коренилась в человеке, выпустившем ядовитый дым! Не перетянут ли он уже на сторону Нин Юй, не превратился ли в одного из её лакеев?

Сун Цзинь не знала, почему он мог вдруг совершенно внезапно задвигаться, но раздумывать об этом было некогда. Он сверкнул холодным взглядом на Великого наставника Се, прежде чем выступил вперёд и прикрыл собой Нин Сяояо, оставшуюся за ним. В эти мгновения прибыл Лу Цыгуй с поддержкой в виде Фан Тана, они гуськом шагали в проулок. Он глянул на Нин Сяояо, сидящую на земле, и почувствовал, как сердце его дрогнуло. Спешно он спросил:

Ваше Величество?

Нин Сяояо, жуя лимские бобы, помахала ему.

Я тут, ах.

Услышав её речь, Лу Цыгуй снова воодушевился. Его взгляд перескочил на Великого наставника Се, который привёл с собой мастеров высокого уровня как в стрельбе из лука, так и в скрытом оружии. Без команды наставника они всё же не смели двинуться. Великий наставник Се встретил своим взглядом ледяной взор Лу Цыгуя и внезапно улыбнулся.

Его Величество и Верховный Командир в порядке и в безопасности. Теперь я могу успокоиться, отвлечься от своих волнений.

Всё так же холодно Лу Цыгуй отвечал:

Мы заставили Великого наставника волноваться. Одна удача этим вечером – что Его Величество невредим.

Великий наставник Се улыбался.

Верховный Командир верно говорит. То, что Его Величество не ранен – это самое важное. Верховный Командир, ах, не перестаёт Северный Ху разрушать наш Юннин, потому нужно вам себя беречь.

Лу Цыгун кивнул.

Совет Верховного Командира весьма уместен.

Нин Сяояо, всё ещё оставаясь на земле, спросила сидящего у неё на плече сокола:

Как это так, что они друг с другом разговаривают? Разве не должны они сразу же до смерти загрызть друг друга?

Вместо этого они стояли рядом и перекидывались фразами, как друзья. Что же происходило?

Маленький сокол-кречет сначала признался, что не имеет понятия, но после добавил:

Все вы, люди, умеете притворяться!

Нин Сяояо замолчала. Это замечание, кажется, имело смысл. Доводов против этого у неё, по сути, не находилось.

И теперь Великий наставник снова заговорил.

Его Величество давно в курсе сложностей с этими письмами. Но ради поимки северных варваров столицы в одну сеть он мог обходиться несправедливо с Верховным Командиром и сыграть трюк с самоистязанием. Сейчас, когда все тайные агенты пойманы, Верховному Командиру больше не придётся сносить обвинения в предательстве. – Тут Великий наставник Се обхватил одну руку другой и воздел у груди в знак почтения. – Я много в прошлом оскорблял Верховного командира. Надеюсь, Верховный Командир не станет меня винить.

О Боже!

У Нин Сяояо задрожали руки. Она чувствовала себя так, будто миллион альпак начали неистово носиться в её сердце. Она только что подтвердила бесстыдство старика, когда он в нём снова себя превзошёл. Рука Фан Тана, державшая руку Лу Цыгуэй, тоже дрожала. Великий наставник Се считался многомудрым учёным, известным своими конфуцианскими ценностями. Но он был всего лишь проклятым гадким негодяем! Маленький кречет захлопал крыльями и закричал:

Аууу, аууу, аууу, Сяояо, позволь мне его сожрать!

..., ..., – начали присутствующие. – Этот сокол умеет выть, как волк?

Нин Сяояо прижала кречета к груди. У этого старика так много подчинённых, что они убьют птицу, прежде чем она успеет подлететь к лицу старика. Лу Цыгуэй похлопал Фан Тана по руке и посмотрел на Великого наставника с улыбкой во весь рот и глаза. А был Лу Цыгуэй так хорош собой, что хоть картину пиши. Когда он не улыбался, всё существо его было проникнуто тяжёлыми недобрыми намерениями, что отпугивали людей. Но когда улыбался, это было так, словно живописец в порыве вдохновения плескал ярким цветом в его глаза. Зрелище отзывалось весенними ветерками на десять ли и цветущими в ярком изобилии цветами.

Сердце Нин Сяояо дважды подскочило. Она знала, что Лу Цыгуэй собою хорош, но он никогда раньше ей по-настоящему не улыбался. И что чья-то улыбка может быть похожа на цветущие цветы – не один, а целое поле – она не знала!

Великий наставник Се тоже улыбался, но руки его были сжаты в кулаки. Он знал, почему улыбается Лу Цыгуэй. Поскольку он свалил всю вину на Северных Ху, просто чтобы оправдать себя, он действительно признавал на сей раз свой промах. Будь он азартным игроком, он бы к нынешнему времени потерял бы всё семейное имущество. Лу Цыгуэй отвёл в сторону руку Фан Тана и медленно пошёл к Нин Сяояо, а затем, пригнувшись, начал говорить тихим голосом:

Этот подданный просит Ваше Величество вернуться во дворец. Лазутчики Северных Ху уже все схвачены, потому Вашему Величеству не нужно более подвергать себя опасности.

Нин Сяояо спросила:

А нет ли таких, кто сбежал?

Лу Цзыгуй ответил:

Если и есть, число их невелико. Муравьи не могут раскачать дерево – Ваше Величество пусть не волнуется.

Нин Сяояо помигал глазами. Хоть она и не знала, почему этот человек полагал столь ничтожными муравьёв, она понимала, что дерево они действительно не раскачают, он не ошибался.

Ваше Величество, – сказал Лу Цзыгуй, протянув к ней руку. Нин Сяояо положила правую руку в его ладонь, но она не соглашалась другому человеку позволять поднять её. Верховный Командир до сих пор был нездоров!

Встав своими силами, она нежным голосом спросила:

Мы и правда уходим?

Лу Цзыгуй кивнул. Он преклонил голову и бросил взгляд на руки Нин Сяояо. К нынешнему времени они превратились в две пыльные клешни, но их обладательница занимала высокое положение и жила в уюте. Могли ли у занимающегося боевыми искусствами быть такие руки?

Столько народа ещё лежит на земле! – Нин Сяояо не хотела уходить. Она ещё не спасла тех людей, как ей можно уходить?

Лу Цзыгуй спросил Сун Цзинь:

Ты в порядке?

Теперь всё у меня хорошо, – поспешила ответить Сун Цзинь.

Прикажи, чтобы людей отослали назад в Имперский Дворец, – сказал Лу Цзыгуй. – Пусть Тень Грозы сопроводит людей Северного Ху в суд вместе с Великим наставником Се и за ночь допросит их.

Сун Цзинь забеспокоилась:

Тогда не будет ли Великий наставник...?

Не будет, – был уверен Лу Цзыгуй. – Это же квартал красных фонарей. Хоть лавки и закрыты, новости быстро распространяются. Се Вэньюань не посмеет попробовать пустить в ход свои фокусы. – Когда его изобразили предателем, народ готов был его заживо сожрать. Столкнувшись с таким проявлением чувств народа, стал бы Великий наставник Се рисковать навлечь на себя всеобщее осуждение?

Сун Цзинь подтверждала. Лу Цзыгуй потянул Нин Сяояо за собой, но она мялась и не хотела уходить. Как она могла оставить здесь столь многих своих товарищей!

Вам невыносимо оставлять Великого наставника? – спросил Лу Цзыгуй.

... – сказала Нин Сяояо. Да она бы скорее бросила этого старика на корм зомби!

Пойдёмте, послушайте меня, – легко сказал Лу Цзыгуй. – Всё с ними будет хорошо. Вылечить

их сможете тогда, когда вернётесь во дворец.

Нин Сяояо привыкла к равнодушному лицу, леденящему взгляду Лу Цзыгуя, потому его внезапная теплота смутила её. Этот парень был двуликим? Он жестокий командир в одно мгновение, а в следующее любит всё человечество?

Великий наставник, передразнивая кого-то, засмеялся, глядя на то, как Лу Цзыгуй уводит прочь Нин Сяояо. Вот наставник вдумывался, и оказывалось, что они ещё не проиграли. Как Лу Цзыгуй погибнет, у него будет уйма времени, чтобы проучить эту девицу Нин Юй.

Идите к войскам и конным отрядам, пусть Командир Пехоты Девяти Ворот перебросит войска.

Все люди Великого наставника поспешили повиноваться.

Да.

За пределами проулка Лу Цзыгуй говорил с Фан Таном, пошедшим за ними.

А ты оставайся и помогай Сун Седьмой.

Тогда кто защитит тебя?

А кто такая Сун Седьмая?

Фан Тан и Лу Цзыгуй проговорили это одновременно.

Сун Седьмая – это Сун Цзинь, – объяснил Лу Цзыгуй, когда они шли к улицам. Фан Тан смотрел, как они удаляются от аллеи, пока совсем не пропали из виду. Затем он вернулся. С мощью императора и его умением бить кирпичи, Его Величество определённо может защитить их Верховного Командира.

Поскольку коляску Нин Сяояо разбила, уйти с Лу Цзыгуем из квартала красных фонарей она могла только пешком. Поначалу казалось, путь займёт какие-то несколько минут, но полчаса спустя они всё ещё медлили на улице.

Что, если я тебя понесу? – предложила нетерпеливая Нин Сяояо.

Я умру? – тише спросил Лу Цзыгуй.

Что? – Нин Сяояо вздрогнула.

Лу Цзыгуй повторил вопрос.

Я умру? В совсем скором времени, то есть?

Великий наставник Се, этот хитрец-лизоблюд, посмотрел тогда на него, как на покойника.

Ничего подобного, – отвечала Нин Сяояо. – Великий наставник положил яд в меч палача, но я уже излечила тебя от этого. Ты разве не знал?

Лу Цзыгуй, шагая, зашатался. Чёрта с два он знал! Никто никогда не говорил ему!

Похоже, не знал ты. – Нин Сяояо качала головой, так широко улыбаясь, что глаз было не видно. – Ну, всё-таки я тебе не сказала. Хе-хе, а думала, что сказала.

Лу Цзыгуй слышал, какие разнообразные злые намерения сокрыты в этом «хе-хе».

Этот старик Се не знает. – Нин Сяояо всё ухмылялась. – Он думает, ты умрёшь в день собрания суда. Когда наступит этот день, тебе, Верховный Командир, нужно встать перед ним, чтобы он себе в штаны описался от испуга!

Лу Цзыгуй почувствовал, как его снова одолевает головная боль. Было ли его единственной целью, избежав смерти, заставить Се Вэньюаня обмочить штаны? Кажется, он, Лу Цзыгуй, никогда не был на одной волне с происходящим в голове другого человека.

Нин Сяояо всё говорила.

Если я могу вылечить Сун Цзинь, я могу вылечить и остальных. Тебе, Верховный Командир, не стоит беспокоиться.

Ты владеешь искусством врачевания, и твои врачебные умения превосходны. – Лу Цзыгуй взирал на Нин Сяояо. – Кто твой учитель?

Нин Сяояо напряглась. Стреляй, она подставила себя.

Лу Цзыгуй не намеревался давить на неё, чтобы получить ответы, потому когда она всё молчала с глуповатой улыбкой на лице, он сказал:

Хорошо, я об этом спрашивать не стану. Скажешь лучше, чего ты желаешь? Если девушка всё так же хотела попросить его воинскую мощь, раздумывалось Лу Цзыгую, он отдал бы не раздумывая, обеими руками. Этот человек спас мою жизнь, жизнь Фан Тана и остальных. Она на троне пробыла всего три дня, но столько людей спасла.

Нин Сяояо всё качала головой.

А зачем мне воинская мощь?

Лу Цзыгуй взирал на Нин Сяояо, надувшую щёки.

А как насчёт такого вопроса... Я могу уйти, но с вами-то всё будет в порядке, если уйду?

Теперь пришла очередь Лу Цзыгуя почувствовать себя ошарашенным. Этот человек перед ним хочет всё бросить и уйти? Нин Сяояо держала за руку Лу Цзыгуя, пока они шли, и шептала:

Сила моя неплоха, и я не потерплю урона, если ввяжусь в бой. Я и у людей могу лечить болезни, потому не умру с голода, куда бы не отправилась, верно? Чего я не могу делать?

Лу Цзыгуй наклонил голову и упёрся взглядом в землю.

Если я уйду, кто будет императором? – сказал Нин Сяояо.

Лу Цзыгуй остановился. Кроме кронпринца, у покойного императора не было выдающихся августейших сыновей. Более того, власть сейчас была в руках партии Великого наставника. Войска и конница столицы управлялись отцом и дочерью Се, потому если бы очередной сын занял трон, не гарантировано ли было им стать марионетками?